

Зимой ночи длинные, а дни — короткие. На рассвете утренний свет не мог пробиться сквозь плотные тучи, и густой туман окутал весь посёлок, где стояли особняки. Куда ни глянь — сплошная серость.

Сунь Ланьшу выскользнула на улицу, ступая на цыпочках: боялась, что хлопок двери разбудит одного психа внутри. Поэтому дверь она намеренно не захлопнула до конца.

Без малого шести утра, а она уже при полном параде — лёгкий аккуратный макияж, будто торопилась на давно намеченное свидание, — и всю дорогу до гаража зевала не переставая.

Хэ Шэн от природы был пугливым. Чтобы домочадцы не слишком к нему лезли, Хэ Минчэнь ещё до школьных лет намеренно поселил сына в тихом пригороде. До ближайшего супермаркета отсюда было шесть километров.

Пока Цзи Лянь не сошёл с ума, Сунь Ланьшу и думать не думала о еде: каждые три дня кто-то привозил к особняку свежие продукты — хватало двум взрослым и ребёнку на пять дней. После того как Цзи Лянь поехал крышей, одним этим запасом его уже было не накормить.

Сунь Ланьшу уже и не помнила, когда в последний раз ела что-то путное. Цзи Лянь, позаботившись лишь о том, чтобы она не умерла с голоду, прибирал к рукам всё мало-мальски съедобное, оставляя ей белый рис и пару увядших листьев капусты. И это едой называется?

Городская суэта находилась слишком далеко. К ближайшему курьеру, готовому сюда ехать, нужно было доплачивать десятки юаней сверху, иначе никто не брался. Да и не то что попробовать — у неё даже шанса не было: Цзи Лянь всякий раз перехватывал заказ первым.

Хэ Минчэнь нанял им водителя, но тот ушёл в отпуск полмесяца назад и до сих пор не появился.

В гараже стояло несколько транспортных средств, но у Сунь Ланьшу не было прав. Умела она только на электросамокате да на велосипеде. Спортом она не увлекалась, и мысль о том, чтобы крутить педали двадцать километров ради одного обеда, казалась ей за гранью разумного.

Но голод — он такой. Заставит.

После того как Цзи Лянь раз за разом уводил её заказы, а вчера вечером снова умыкнул еду, Сунь Ланьшу решила объявить забастовку.

Правда, не совсем настоящую.

Такси здесь было не поймать. Поэтому план был такой: добраться на электросамокате до места, где можно сесть в машину, а там уже рвануть в город — нормально поесть, по-человечески.

В гараже стояли два велосипеда и несколько электросамокатов. Сунь Ланьшу выбрала маленький, поудобнее. Едва уселась в седло — по всему гаражу ударил оглушительный треск.

Она мгновенно вскочила. Самокат без опоры завалился на бок с новым грохотом. Только тогда она увидела: заднее колесо — в хлам.

Сунь Ланьшу открыла рот. Потом закрыла. Потом внутри у неё что-то полыхнуло.

Она что, поправилась до такой степени, что прокалывает колёса одним своим весом?! Или эта рухлядь изначально не годилась ни на что?!

Тёмная туча непролазной злобы легла на душу, и без того не слишком ясную.

Не говоря ни слова, она пересела на другой самокат. Результат оказался в точности таким же: едва она опустилась в седло, гараж снова огласился хрустом лопающейся резины.

Сунь Ланьшу:...

— Что это, прямо с утра по гаражу пальбу открыли, — раздался сонный голос — глубокий, слегка хриловатый, с ленцой. Цзи Лянь привалился к стене у дверного проёма без малейшего намёка на позвоночник: веки полуопущены, взгляд скучающий. На лице крупными буквами было написано: «ты мешаешь мне спать».

Сунь Ланьшу:...

Когда доводят до нервного срыва, некоторые вещи уже не удивляют. Появление Цзи Лянь именно здесь она встретила на удивление спокойно. Что-то щёлкнуло у неё в голове, и, не удостоив его насмешку ответом, она бросилась к двум велосипедам в углу. Так и есть: оба колеса у каждого были проколоты намеренно.

— Это твоих рук дело? — Она повернулась к нему.

Цзи Лянь зевнул, не потрудившись прикрыть рот.

— Да.

— Ты нормальный вообще?!

— Нет, — невозмутимо согласился он. — Ты разве только сейчас это поняла?

Она и раньше знала, что у него больной желудок. Это что, надо было уточнять?

Сунь Ланьшу:...

Голодный желудок — плохой советчик. Долгое время без нормальной еды, пустой живот, скользкий язык Цзи Лянь — и вот фитиль догорел. Бабах.

— Ты уже наигрался, мать твою?! Чем я тебе насолила?! Хочешь куролесить — иди к кому другому, у меня нет никакого желания участвовать в твоих играх!

— Ну и что мне с этим делать, — пожал он плечами, — если я хочу играть именно с тобой?

Сунь Ланьшу:...

Она рванула к нему, уже заноса руку для пощёчины. Цзи Лянь неторопливо сделал шаг назад — ровно на столько, сколько нужно, чтобы уйти из-под удара. Он всё просчитал.

Одного он только не учёл.

Топот её ног заглушил другие шаги. Ни Сунь Ланьшу, ни Цзи Лянь не заметили, как одновременно с ней из-за угла вылетел маленький зелёный силуэт — со скоростью стометровки.

— Не смей обижать Сяо-ба!

Зелёный динозаврик влетел в Сунь Ланьшу на полном ходу. Всем телом он врезался в неё, и та лишь отступила на пару шагов — не больше.

Оба замерли.

Из-под капюшона с динозавром выглянуло разъярённое личико Хэ Шэна. Глаза красные. Маленькие кулачки молотили Сунь Ланьшу по животу изо всех сил.

— У-у, плохая, не трогай Сяо-ба... у-у, уходи, я не хочу тебя видеть, ты плохая!

Сунь Ланьшу опомнилась быстро. Легко перехватила обе его руки.

— Ты тоже решил идти против меня? — процедила она, лицо перекосилось. — Думаешь, Цзи

Лянь тебя прикроет? Вы оба — бесполезное ничтожество, большой и маленький...

— Не говори так про Сяо-ба, он не ничтожество, у-у-у...

Хэ Шэн извивался, но что поделать — силы ребёнка против взрослого не хватало никакой. Он рвался изо всех сил, и только запястья покрывались всё более тёмными красными полосами.

Слёзы капали одна за другой. Никакого достоинства в этом не было — только упрямая, непреклонная уверенность: Сунь Ланьшу должна взять свои слова обратно.

— Ты плохая, у-у-у! Сяо-ба не ничтожество, Сяо-ба самый лучший...

Этого Цзи Лянь не ожидал.

В голове у него мелькали страницы оригинала. В книге — как бы ни издевались над Хэ Шэном Сунь Ланьшу и оригинальный главный герой — тот лишь тихо плакал. Никогда не взрывался. Даже когда правда вышла наружу и Хэ Минчэнь искренне захотел загладить вину, Хэ Шэн ни разу не выплёскивал на него обиду и не помышлял о мести. А сейчас он делал то, чего в книге не было вовсе.

Хэ Шэн поднял бунт ради него.

Ответ был очевиден.

Перед Сунь Ланьшу этот ребёнок не шелохнулся ни разу, когда та поднимала на него руку. Ради Цзи Лянь — встал.

Что-то внутри — давно неподвижное — вдруг качнулось и пошло кругами, как вода от брошенного камня. Цзи Лянь сразу понял, что это такое.

Благодарность. Та, что поднимается откуда-то снизу, когда тебя защищают без всяких причин.

Плотно сжатые губы разомкнулись. Воздух вышел долгим, медленным выдохом — и вместе с ним что-то острое, что копилось в груди, поднялось к горлу, к глазам.

Он не хотел плакать. Это тело было слишком слабым — вот и реагировало на пустяки.

Маленький зелёный динозавр стоял перед ним, тонкий и лёгкий, — а казалось, что за его спиной вырастает гора.

— Знаешь, почему он вдруг стал к тебе таким добреньким? — Сунь Ланьшу говорила резко,

почти с яростью. — Потому что он байстрюк. Подлизывается к тебе ради выгоды. Думаешь, ему до тебя есть дело? Ему нужны деньги твоего папаши и твоё наследство. Отдашь ему всё — он тебя в тот же день пнёт и не оглянется. Ты правда думаешь, что он чего-то стоит?

Нет! Сяо-ба никогда так не сделает!

Хэ Шэн давился слезами и ничего не мог выговорить вслух. В голове у него не замолкал голос — хотелось схватить рупор и кричать прямо в уши этой женщине: всё это неправда, неправда, неправда.

Может, он и не умнее других детей. Но он чувствовал — этот Сяо-ба желал ему добра по-настоящему.

Главное — не нажимать на ту кнопку. Тогда добрый Сяо-ба никуда не денется.

Сяо-ба не плохой!

— Ты... ты уходи, я не хочу, чтобы ты жила у нас, ты... ты плохая! — с трудом выговорил он, и маленькое тело снова и снова толкалось в Сунь Ланьшу. Он очень хотел превратиться в настоящего маленького динозавра — с бесконечной силой, — чтобы вышвырнуть эту злую тётю за порог навсегда.

Это его дом. Сюда должны приходить только папа и Сяо-ба.

— Этот псих хорошо к тебе относился несколько дней, и ты уже за него горой? А я что — не в счёт? Я столько лет о тебе заботилась, и вот как ты со мной? Мало я для тебя делала?

Она говорила это не столько от обиды, сколько от ярости — Хэ Шэн выбил её из колеи. Нога уже взлетела, чтобы пнуть его, — и опустилась в пустоту.

Цзи Лянь прижал Хэ Шэна к себе раньше, чем Сунь Ланьшу успела что-либо сделать. Лишившись точки опоры, та поехала назад и грохнулась на пятую точку.

Некоторое время она так и сидела на полу, не в силах встать. Потом подняла голову:

— Погодите у меня. Хэ Минчэнь за всё с вами посчитается. Вот вернётся — и посмотрим...

— И как именно ты собираешься добиться справедливости?

Ледяной голос вплыл в гараж вместе с холодным воздухом с улицы.

Сунь Ланьшу распахнула глаза. В дверном проёме стоял высокий мужчина. Тот, кого здесь не должно было быть ещё несколько дней.

<http://bllate.org/book/18977/2162722>